

П. С. ГУРЕВИЧ

**Вклад
И. М. Ильинского
в концептуализацию
проблем
понимания**

В разнообразных теоретических работах Игоря Михайловича, о которых говорили предыдущие докладчики, есть одно ключевое слово. Это слово — «понимание». Без него невозможно представить себе все работы Игоря Михайловича по теории образования. Теперь это слово стало расхожим. Оно часто появляется в монографиях, книгах, в журнальных публикациях. У меня есть некоторая озабоченность, как бы мы не «заболтали» это слово. Поэтому все, что я сейчас скажу в коротком выступлении, прошу рас-

сматривать как некоторую аранжировку идей Игоря Михайловича ибо мне кажется, что наша

конференция должна быть не только отчетной, но и в известной степени полемичной.

Итак. Скажу некоторую банальность, которая уже давно понятна общественному сознанию: знать — это не означает понимать. Но не к этому сводится концепция Игоря Михайловича. Более того, я бы сказал, что в его работах оспаривается сама идея адекватного понимания того сообщения, которое поступает слушателю. На этой

неправильной посылке, которую критикует Игорь Михайлович, построены все современные тесты. Речь идет о том, что если сообщение отправлено студенту, то наша задача заключается в том, чтобы смысл, заложенный в этом сообщении, был адекватно воспринят студентом.

Хотя на самом деле речь идет совсем о другом. Здесь говорилось о том, что Игорь Михайлович достаточно междисциплинарен. Я задаю себе вопрос: можно ли рассматривать работы Игоря Михайловича как работы социального психолога, который изучает смысловые барьеры, встающие на пути сообщения, направленного нашим слушателям. Я думаю, что нет. Думаю, что нет возможности рассматривать Игоря Михайловича как теоретика познания или представителя современной герменевтики. Конечно, подход Игоря Михайловича философский, но он действительно междисциплинарен. Игорь Михайлович опирается на разнообразную философскую культуру, и это освобождает его от привязанности к какой-то конкретной дисциплине, например, философии, социологии, психологии.

Что хотелось бы оспорить, взяв в союзники работы Игоря Михайловича? Когда в наших публикациях говорится о том, что общение, в ходе которого достигается понимание, является диалогичным, а сама диалогичность понимается в духе интеракционизма, здесь речь идет о том, что в диалоге должны участвовать по крайней мере два человека, и вот они-то и обмениваются мнениями. В итоге рождается некая истина или ухватывается необходимый смысл. Но мы знаем, что сегодня, при наличии средств массовой коммуникации, как раз такого рода диалогичность является иллюзорной, декоративной. Многочисленные передачи типа «К барьеру» дают возможность каждому человеку выкричать свою позицию, при этом оставаясь совершенно равнодушным к тому, что говорит собеседник.

Концепция Игоря Михайловича другая. Речь идет не о том, что в диалоге должны участвовать по крайней мере два человека

или аудитория и профессор. Между ними должна возникнуть некая плодотворная коммуникация. Речь идет о том, что коммуникация, которая предполагается эффективной, вообще может быть по природе монологичной. В том смысле, что в ней участвует один оратор, но, общаясь с аудиторией, он корректирует свою речь так, чтобы наладить контакт с аудиторией. В этом смысле замечательна реплика Пушкина: «народ безмолвствует», которая, как известно, в первоначальном варианте у Пушкина была совершенно другой, эмоциональной, действенной. А сколько смысла вот в этом заключительном пояснении Пушкина к трагедии «Борис Годунов». Аудитория может безмолвствовать, но наша задача заключается в том, чтобы настроить себя на эту аудиторию, понять тональность, в которой мы можем разговаривать с этой аудиторией. Поэтому тем, кто знаком с работами Игоря Михайловича, не следует понимать диалог как простую коммуникацию, ибо сегодня коммуникаций достаточно, ибо общение иногда превращается в обмен репликами, где все соблюдено по законам жанра, но не является коммуникацией.

Игорь Михайлович также подчеркивает в своих работах, что смысл, которым наделено сообщение, по определению не может быть адекватно донесен до слушателя, потому что задача заключается совершенно в другом. Наш слушатель, получая сообщение, включает его в свой жизненный контекст, свой социальный опыт. Те, кто хорошо знают работы немецкого философа Ханса Гадамера, хорошо представляют себе, как эта идея развивается в работах Игоря Михайловича, потому что речь идет о том, что сообщение, воспринятое нашей аудиторией, оказывается значительно более обогащенным. Это сообщение наделяется тем личностным смыслом, которым обязан наделять его наш студент.

Мы вовсе не пытаемся превратить студента в перевернутую библиотеку, передать ему некоторые смыслы, те одухотворяющие истины, которые мы якобы выносили. Мы

пытаемся вызвать диалог, имея в виду, что наш собеседник может нас понять в смысле гораздо более лично богато, чем то, что мы имели в виду. Для этого у него есть все основания — он представитель другого поколения. Это человек, живущий в другой культуре. И пусть наше сообщение не претендует на то, чтобы быть достаточно адекватным, поскольку именно к этому, как я понимаю, сводится концепция индивидуального осмысления понятия «понимание» или слова «понимание» в работах Игоря Михайловича.

Еще одна идея, которая вызывает желание полемизировать. В работах Игоря Михайловича обосновывается идея смысла, продвижения к смыслу. Часто оспаривается та очевидная мысль, которая содержится в современной психологии. Речь идет о том, что многие наши студенты по определению не имеют абстрактного мышления. Вообще, свойство мыслить на отвлеченном уровне заложено далеко не в каждом человеке. Это вызывает много споров, потому что в работах наших психологов отражается тот рубеж, когда у человека начинает формироваться абстрактное мышление. Но это общая схема, она не относится к отдельному человеку. Мы, преподаватели, хорошо знаем, как трудно иногда прорваться к мыслям нашего студента, у которого просто нет возможности мыслить на абстрактном уровне.

Надо сказать, что еще Эрнст Кассирер, известный философ XX века, в своих работах отмечал, что некоторые аборигены могут прекрасно вести лодку по речке, отлично помнят все изгибы и извилины этой реки, но

они не в состоянии нарисовать карту. И действительно, это идея, которая заставляет нас думать о сложности смыслообразования, потому что именно спектр смысла позволяет нам придвинуться к проблеме: насколько мы можем разговаривать со студентами на отвлеченном уровне, на уровне теоретического абстрактного знания. Конечно, надо иметь в виду, что те люди, которые не имеют абстрактного образования, все-таки нас понимают, потому что они сводят наше сообщение к некой конкретике.

И еще одна идея Игоря Михайловича заключается в том, что наше сознание, наша психика обладает огромными возможностями компенсации. Поэтому здесь включаются в работу интуиция, образность и все другие возможности познавательного акта. Таким образом, мне хотелось бы, отвечая на некоторые публикации, которые попали в поле моего зрения, отметить эвристичность, необычность, «поисковость» тех идей, которые содержатся в последних трудах Игоря Михайловича.

Здесь уже говорили о том, что Игорь Михайлович — замечательный теоретик, что он замечательный практик. Но, пожалуй, еще нужно сказать, что Игорь Михайлович — живой человек, ироничный, поющий, добро-сердечный. Поэтому будет, наверное, простительно мне шутка. Довольно известный поэт Танич на аналогичном юбилее сказал: так много цветов, так много приветствий, а я чувствую себя неудобно, потому что я еще жив. Господь наградил Игоря Михайловича отменным здоровьем. Я желаю ему новых плодотворных трудов и многие лета.

Новые книги

Ильинский И. М. Образование. Молодежь. Человек : статьи, интервью, выступления. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. — 560 с.

Ильинский И. М. Между Будущим и Прошлым: Социальная философия Происходящего. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. — 662 с.

Главный противник : Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. / сост. и авт. вступ. ст. И. М. Ильинский. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. — 501 с.